Павел Бажов

Змеиный след

Те ребята, Левонтьевы-то, коим Полоз богатство показал, стали поправляться житьишком. Даром, что отец вскоре помер, они год от году лучше да лучше живут. Избу себе поставили. Не то, чтобы дом затейливой, а так - избушечка справная. Коровенку купили, лошадь завели, овечек до трех годов в зиму пускать стали. Мать-то нарадоваться не может, что хоть в старости свет увидела.

А все тот старичок - Семеныч-от - настовал. Он тут всему делу голова. Научил ребят, как с золотом обходиться, чтобы и контора не шибко примечала и другие старатели не больно зарились. Хитро ведь с золотишком-то! На все стороны оглядывайся. Свой брат-старатель подглядывает, купец, как коршун, зорит, и конторско начальство в глазу держит. Вот и поворачивайся! Одним-то малолеткам где с таким делом управиться! Семеныч все им и показал. Однем словом, обучил.

Живут ребята. В годы входить стали, а все на старом месте стараются. И другие старатели не уходят. Хоть некорыстно, а намывают, видно... Ну, а у ребят тех и вовсе ладно. Про запас золотишко оставлять стали. Только заводское начальство углядело - неплохо сироты живут. В праздник какой-то, как мать из печки рыбный пирог доставала, к ним и пых заводской рассылка:

- К приказчику ступайте! Велел немедля.

Пришли, а приказчик на них и накинулся:

- Вы до которой поры шалыганить будете? Гляди-ко - в версту вымахал каждый, а на барина единого дня не рабатывал! По каким таким правам? Под красну шапку захотели али как?

Ребята объясняют, конечно:

- Тятеньку, дескать, покойного, как он вовсе из сил выбился, сам барин на волю отпустил. Ну, мы и думали...

- А вы, - кричит, - не думайте, а кажите актову бумагу, по коей вам воля прописана!

У ребят, конечно, никакой такой бумаги не бывало, они и не знают, что сказать.

Приказчик тогда и объявил:

- По пяти сотен несите - дам бумагу.

Это он, видно, испытывал, не объявят ли ребята деньги. Ну, те укрепились.

- Если, - говорит младший, - все наше хозяйство до ниточки продать, так и то половины не набежит.

- Когда так, выходите с утра на работу. Нарядчик скажет куда. Да, глядите, не опаздывать к разнарядке! В случае - выпорю для первого разу!

Приуныли наши ребятушки. Матери сказали, та и вовсе вой подняла:

- Ой, да что же это, детоньки, подеялось! Да как мы теперь жить станем!

Родня, соседи набежали. Кто советует прошенье барину писать, кто велит в город к горному начальству итти, кто прикидывает, на сколь все хозяйство вытянет, ежели его продать. Кто опять пужает:

- Пока, дескать, то да се, приказчиковы подлокотники живо схватят, выпорют да и в гору. Прикуют там цепями, тогда ищи управу!

Так вот и удумывали всяк по-своему, а того никто не домекнул, что у ребят, может, впятеро есть против прнказчикова запросу, только объявить боятся. Про это, слышь-ко, и мать у них не знала. Семеныч, как еще в живых был, часто им твердил:

- Про золото в запасе никому не сказывай, особливо женщине. Мать ли, жена, невеста - все едино помалкивай. Мало ли случай какой. Набежит, примерно, горная стража, обыскивать станут, страстей всяких насулят. Женщина иная и крепкая на слово, а тут забоится, как бы сыну либо мужу худа не вышло, возьмет да и укажет место, а стражникам того и надо. Золото

возьмут и человека загубят. И женщина та, глядишь, за свою неустойку головой в воду либо петлю на шею. Бывалое это дело. Остерегайтесь! Как потом в годы войдете да женитесь- не забывайте про это, а матери своей и намеку не давайте. Слабая она у вас на языке-то - похвастать своими детоньками любит.

Ребята это семенычево наставленье крепко помнили и про свой запас никому не сказывали. Подозревали, конечно, другие старатели, что должен быть у ребят запасец, только много ли и в котором месте хранят - не знали.

Посудачили соседи, потужили да с тем и разошлись, что утречком, видно, ребятам на разнарядку выходить.

- Без этого не миновать.

Как не стало чужих, младший брат и говорит:

- Пойдем-ко, братко, на прииск! Простимся хоть...

Старший понимает, к чему разговор.

- И то, - говорит, - пойдем. Не легче ли на ветерке голове станет.

Собрала им мать постряпенек праздничных да огурцов положила. Они, конечно, бутылку взяли и пошли на Рябиновку.

Идут - молчат. Как дорога лесом пошла, старший- и говорит:

- Прихоронимся маленько.

За крутым поворотом свернули в сторону да тут у дороги и легли за шиповником. Выпили по стакашку, полежали маленько, слышат идет кто-то. Поглядели, а это Ванька Сочень с ковшом и прочим струментом по дороге шлепает. Будто спозаранку на прииск пошел. Старанье на него накатило, косушку не допил! А этот Сочень у конторских в собачках ходил: где что вынюхать - его подсылали. Давно на заметке был. Не один раз его бивали, а все не попускался своему ремеслу. Самый вредный мужичонко. Хозяйка Медной горы уж сама его потом так наградила, что вскорости он и ноги протянул. Ну, не о том разговор... Прошел этот Сочень, братья перемигнулись. Мало погодя щегарь верхом на лошадке проехал. Еще полежали - сам Пименов на своем Ершике выкатил. Коробчишечко легонький, к дрогам удочки привязаны. На рыбалку, видно, поехал.

Этот Пименов по тому времени в Полевой самый отчаянный был - по тайному золоту. И Ершика у него все знали. Степнячок лошадка. Собой невеличка, а от любой тройки уйдет. Где только добыл такую! Она, сказывают, двухколодешная была, с двойным дыхом. Хоть пятьдесят верст на мах могла... Догони ее! Самая воровская лошадка. Много про нее рассказывали. Ну, и хозяин тоже намятыш добрый был, - один на один с таким не встречайся. Не то что нынешние наследники, которые вон в том двухэтажном доме живут.

Ребята, как увидели этого рыболова, так и засмеялись. Младший поднялся из- за кустов да и говорит, негромко все ж таки:

- Иван Васильевич, весы-то с тобой?

Купец видит - смеется парень, и тоже шуткой отвечает:

- В эком-то лесу да не найти! Было бы что весить.

Потом придержал Ершика и говорит:

- Коли дело есть, садись - подвезу.

Такая у него, слышь-ко, повадка была - золотишко на лошади принимать. Надеялся на своего пршика. Чуть что: "Ершик, ударю!" - и только пыль столбом либо брызги во все стороны. Ребята отвечают: "Нет с собой", - а сами спрашивают:

- Где тебя, Иван Василич, искать утром на свету?

- Какое, - спрашивает, - дело - большое али пустяк?

- Будто сам не ведаешь...
- Ведать-то, - отвечает, - ведаю, да не все. Не знаю, то ли оба откупаться собрались, то ли один сперва.
Потом помолчал, да и говорит, как упреждает:
- Глядите, ребята, - зорят за вами. Сочня-то видели?
- Ну, как же.
- А щегаря?
- Тоже видели.
- Еще, поди, послали кого за вами доглядывать. Может, кто и охотой. Знают, вишь, что вам к утру деньги нужны, вот и караулят. И то поехал вас упредить.
- За то спасибо, а только мы тоже поглядываем.
- Вижу, что понаторели, а все остерегайтесь!
- Боишься, как бы у тебя не ушло?
- Ну, мое-то верное. Другой не купит - побоится.
- А почем?
Пименов прижал, конечно, в цене-то. Ястребок ведь. От живого мяса такого не оторвешь!
- Больше, - говорит, - не дам. Потому дело заметное.
Срядились. Пименов тогда и шепнул:
- На брезгу по Плотинке проезжать буду, - подсажу... - Пошевелил вожжами: "Ступай, Ершик, догоняй щегаря!"
На прощанье еще спросил;
- На двоих али на одного готовить?
- Сами не знаем - сколь наскребется. Полишку все ж таки бери, - ответил младший.
Отъехал купец. Братья помолчали маленько, потом младший и говорит:
- Братко, а ведь это Пименов от ума говорил. Неладно нам большие деньги сразу оказать. Худо может выйти. Отберут - и только.
- Тоже и я думаю, да быть-то как?
- Может, так сделаем! Сходим еще к приказчику, покланяемся, не скинет ли маленько. Потом и скажем,- больше четырех сотен не наскрести, коли все хозяйство продать. Одного-то, поди, за четыре сотни выпустит, и люди будут думать, что мы из последнего собрали.
- Так-то ладно бы , -отвечает старший, - да кому в крепости оставаться? Жеребьевкой, видно, придется.
Тут младший и давай лебезить:
- Жеребьевка, дескать, чего бы лучше! Без обиды... Про это что говорить... Только вот у тебя изъян... глаз поврежденный... В случае оплошки, тебя в солдаты не возьмут, а меня чем обракуешь? Чуть что -сдадут. Тогда уж воли не увидишь. А ты бы пострадал маленько, я бы тебя живо выкупил. Году не пройдет - к приказчику пойду. Сколь ни запросит - отдам. В этом не сумлевайся! Неуж у меня совести нет? Вместе, поди-ко, зарабатывали. Разве мне жалко!
Старшего-то у них Пантелеем звали. Он пантюхой и вышел. Простяга парень. Скажи - рубаху сымет, другого выручит. Ну, а изъян, что окривел-то он, вовсе парня к земле прижал. Тихий стал, - ровно все-то его больше да умнее. Слова при других сказать не умеет. Помалкивает все. Меньший-то, Костька, вовсе не на эту стать. Даром что в бедности с детства рос, выправился, хоть на выставку. Рослый да ядреный... Одно худо- рыжий, скрасна даже. Позаглаза-то его все так и звали - Костька Рыжий. И хитрый тоже был. У кого с ним дело случалось, говаривали: "У Костьки не всякому слову верь. Иное он и вовсе проглотит". А подсыпаться к кому - первый мастер. Чисто лиса, так и метет, так и метет хвостом...

Пантюху-то Костька и оболтал живехонько. Так все по-костькиному и вышло. Приказчик сотню скинул, и Костька на другой день вольную бумагу получил, а брату будто нисхождение выхлопотал. Ему приказчик на Крылатовский прииск велел отправляться.
- Верно, - говорит, - твой-то брат сказывает. Там тебе знакомее будет. Тоже с песками больше дело. А людей все едино, что здесь, что там, недохватка. Ладно уж, сделаю тебе нисхождение. Ступай на Крылатовско.
Так Костька и подвел дело. Сам на вольном положении укрепился, а брата на дальний прииск столкал. Избу и хозяйство он, конечно, и не думал продавать. Так только вид делал.
Как Пантелея угнали, Костька тоже стал на Рябиновку сряжаться. Одному-то как? Чужого человека не миновать наймовать, а боится - узнают через него другие, полезут к тому месту. Нашел все ж таки недоумка одного. Мужик большой, а умишко маленький-до десятка счету не знал. Костьке такого и надо.
Стал с этим недоумком стараться, видит - отощал песок. Костька, конечно, заметался повыше, пониже, в тот бок, в другой - все одно, нет золота. Так мельтешит чуть-чуть, стараться не стоит. Вот Костька и придумал на другой берег податься - ударить под той березой, где Полоз останавливался. Получше пошло, а все не то, как при Пантелее было. Костька и тому рад, да еще думает, - перехитрил я Полоза.
На Костьку глядя, и другие старатели на этом берегу пытать счастья стали. Тоже, видно, поглянулось. Месяца не прошло - полно народу набилось. Пришлые какие-то появились.
В одной артелке увидел Костька девчонку. Тоже рыженькая, собой тончава, а подходященька. С такой по ненастью солнышко светеет. А Костька по женской стороне шибко пакостник был. Чисто приказчик какой, а то и сам барин. Из отецких не одна девка за того Костьку слезами умывалась, а тут что... приисковая девчонка. Костька и разлетелся, только его сразу обожгло. Девчоночка ровно вовсе молоденькая, справа у ней некорыстна, а подступить непросто. Бойкая! Ты ей слово, она тебе-два, да все на издевку. А руками чтобы- это и думать забудь. Вот Костька и клюнул тут, как язь на колобок. Жизни не рад стал, сна-спокою решился. Она и давай его водить и давай водить.
Есть ведь из ихней сестры мастерицы. Откуда только научатся? Глядишь - ровно вовсе еще от малолетков недалеко ушла, а все ухватки знает. Костька сам оплести кого хочешь мог, а тут другое запел.
- Замуж, - спрашивает, - пойдешь за меня? Чтоб, значит, не как-нибудь, а честно-благородно, по закону... Из крепости тебя выкуплю.
Она, знай, посмеивается;
- Кабы ты не рыжий был!
Костьке это нож вострый, - не глянулось, как его рыжим звали,- а на шутку поворачивает:
- Сама-то какая?
- То, - отвечает, - и боюсь за тебя выходить. Сама рыжая, ты - красный, ребятишки пойдут - вовсе опаленыши будут.
Когда еще примется Пантелея хвалить. Знала как-то его. На Крылатовском будто встретила.
- Ежели бы вот Пантелей присватался, без слова бы пошла. На примете он у меня остался. Любой парень. Хоть один глазок, да хорошо глядит.
Это она нарочно - Костьку поддразнить, а он верит. Зубом скрипит на Пантелея-то, так бы и разорвал его, а она еще спрашивает:
- Ты что же брата не выкупишь? Вместе, поди, наживали, а теперь сам на воле, а его забил в самое худое место.
- Нету, - говорит, - у меня денег для него. Пусть сам зарабатывает!

- Эх ты, - говорит, - шалыган бесстыжий! Меньше тебя, что ли, Пантелей работал? Глаз-то он потерял в забое, поди?
Доведет так-то Костьку до того, что закричит он:
- Убью стерву!
Она хоть бы што.
- Не знаю, - говорит, - как тогда будет, только живая за рыжего не пойду. Рыжий да шатоватый - нет того хуже!
Отшибет так Костьку, а он того больше льнет. Все бы ей отдал, лишь бы рыжим не звала да поласковее поглядела. Ну, подарков она не брала... Даже самой малости. Кольнет еще, ровно иголкой ткнет:
- Ты бы это Пантелею на выкуп поберег.
Костька тогда и придумал на прииске гулянку наладить. Сам смекает: "Как все-то перепьются, разбирайся тогда, кто что наработал. Заманю ее куда, поглядим, что на другой день запоет..."
Люди, конечно, примечают:
- Что-то наш Рыжий распыхался. Видно, хорошо попадать стало. Надо в его сторону удариться.
Думают так-то, а испировать на даровщинку кто отопрется? Она - эта девчонка - тоже ничего.
Плясать против Костьки вышла. На пляску, сказывают, шибко ловкая была. Костьку тут и вовсе за нутро взяло.
Думки своей все ж таки Костька не оставил. Как понапились все, он и ухватил эту девчонку, а она уставилась глазами-то, у Костьки и руки опустились, ноги задрожали, страшно ему чего-то стало. Тогда она и говорит:
- Ты, рыжий-бесстыжий, будешь Пантелея выкупать?
Костьку как обварило этими словами. Разозлился он.
- И не подумаю, - кричит. - Лучше все до копейки пропью!
- Ну, - говорит, - твое дело. Было бы сказано. Пропивать пособим.
И пошла от него плясом. Чисто змея извивается, а глазами уперлась-не смигнет. С той поры и стал Костька такие гулянки чуть не каждую неделю заводить. А оно ведь не шибко доходно - полсотни человек допьяна поить. Приисковый народ на это жоркий. Пустяком не отойдешь, а то еще насмех поднимут:
- Хлебнул-де из пустой посудины на костькиной гулянке неделю голова болела. Другой раз позовет, две бутылки с собой возьму. Не легче ли будет?
Костька, значит, и старался, чтоб вино и там протча в достатке было. Деньжонки, какие на руках были, скорехонько умыл, а выработка вовсе пустяк. Опять отощал песок, хоть бросай. Недоумок, с которым работал, и тот говорит:
- Что-то, хозяин, ровно вовсе не блестит на смывке-то.
Ну, а та девчонка, знай, подзуживает:
- Что, Рыжий, приуныл? Каблуки стоптал - на починку не хватает?
Костька давно видит - неладно у него выходит, а совладать с собой не может. "Погоди, - думает, - я тебе покажу, как у меня на починку нехватает. Золотишка-то у них с Пантелеев порядком было. В земле, известно, хранили. В своем же огороде, во втором слою. Сковырнут лопатки две сверху, а там песок с глиной... Тут и бросали. Ну, место хорошо запримечено было, до вершков все вымерено. В случае - и горной страже прискаться нельзя. Ответ тут бывалый: "Самородное, дескать. Не знали, что эдак близко. Вон какую даль отшагивали, а оно вон где - в огороде!"
Кладовуха эта земляная, что говорить, самая верная, только вот брать-то из нее хлопотно, да и оглядываться приходится. Это у ник тоже хорошо подогнано было. Кустики за банешкой посажены были, камни кучкой подобраны. Однем, словом, загорожено.

Вот Костька выбрал ночку потемнее и пошел в свою кладовуху. Снял, где надо, верхний слой, нагреб бадью песку и в баню. Там у него вода заготовлена. Закрыл окошко, зажег фонарь, стал смывать, и ничем - ничего - ни единой крупинки. Что, думает, такое? Неуж ошибся? Пошел опять. Все перемерял. Нагреб другую бадью-даже виду не показало. Тут Костька и остерегаться забыл - с фонарем выскочил. Оглядел еще раз с огнем. Все правильно. В самом том месте верхушка снята. Давай еще нагребать. Может, думает, высоко взял. Маленько показалось, только самый пустяк. Костька еще глубже взял - та же штука: чуть блестит. Костька тут вовсе себя потерял. Давай дудку, как на прииске, бить. Только недолго ему вглубь-то податься пришлось, - камень- сплошняк оказался. Обрадовался Костька, через камень, небось, и Полозу золота не увести. Тут оно где-нибудь, близко. Потом вдруг хватился: "Ведь это Пантюшка украл!"

;

Только подумал, а девчонка та, приисковая-то, и появилась. Потемки еще, а ее всю до капельки видно. Высоконькая да пряменькая, стоит у самого крайчика и на Костьку глазами уставилась:

- Что, Рыжий, потерял, видно? На брата приходишь? Он и возьмет, а тебе поглядеть осталось.

- Тебя кто звал, стерва пучешарая?

Схватил ту девчонку за ноги да что есть силы и дернул на себя, в яму. Девчонка от земли отстала, а все пряменько стоит. Потом еще вытянулась, потончала, медяницей стала, перегнулась Костьке через плечо, да и поползла по спине. Костька испугался, змеиный хвост из рук выпустил. Уперлась змея головой в камень, так искры и посыпались, светло стало, глаза слепит. Прошла змея через камень, и по всему ее леду золото горит, где каплями, где целыми кусками. Много его. Как увидел Костька, так и брякнулся головой о камень. На другой день мать его в дудке нашла. Лоб ровно и не сильно разбил, а умер отчего-то Костька.

На похороны с Крылатовского Пантелей пришел. Отпустили его. Увидел в огороде дудку, сразу смекнул- с золотом что-то случилось. Беспокойно Пантелею стало. Надеялся, вишь, он через то золото на волю выйти. Хоть слышал про Костьку нехорошо, а все верил - выкупит брат. Пошел поглядеть. Нагнулся над дудкой, а снизу ему ровно посветил кто. Видит- на дне-то как окно круглое из толстого-претолстого стекла, и в этом стекле золотая дорожка вьется. Снизу на Пантелея какая-то девчонка смотрит. Сама рыженька, а глаза чернехоньки, да такие, слышко, что и глядеть в них страшно. Только девчонка та ухмыляется, пальцем в золоту дорожку тычет: "Дескать, вот твое золото, возьми себе. Не бойся!" Ласково вроде говорит, а слов не слышно. Тут и свет потух.

Пантелей испугался сперва: наважденье, думает. Потом насмелился, спустился в яму. Стекла там никакого не оказалось, а белый камень - скварец. На казенном прииске Пантелею приходилось с камнем-то этим биться. Попривык к нему. Знал, как его берут. Вот и думает:

"Дай-ко попытаю. Может, и всамделе золото тут".

Притащил, что подходящее, и давай камень дробить в том самом месте, где золотую дорожку видел. И верно - в камне золото и не то что искорками, а большими каплями да гнездами сидит. Богатимая жилка оказалась. До вечера-то Пантелей чистым золотом фунтов пять либо шесть набил. Сходил потихоньку к Пименову, а потом и приказчику объявился.

;

- Так и так, желаю на волю откупиться.

Приказчик отвечает:

- Хорошее дело, только мне теперь недосуг. Приходи утречком. На прохладе об этом поговорим.

Приказчик по костькиному-то житью, понятно, догадался, что деньги у него были немалые. Вот

и придумывал, как бы Пантелея покрепче давнуть, чтоб побольше выжать. Только тут, на Пантелееве счастье, рассылка из конторы прибежал и сказывает:
- Нарочный приехал. Завтра барин из Сысерти будет. Велел все мостки на Полдневную хорошенько уладить.
Приказчик, видно, испугался, как бы все у него из рук не уплыло, и говорит Пантелею.
- Давай пять сотенных, а по бумаге четыре запишу.
Сорвал-таки сотнягу. Ну, Пантелей рядиться не стал.
"Рви, - думает, - собака, - когда-нибудь подавишься".
Вышел Пантелей на волю. Поковырялся еще сколька-то в ямке на огороде. После н вовсе золотишком заниматься перестал.
"Без него" - думает, - спокойнее проживу".
Так и вышло. Хозяйство себе завел, не сильно большое, а биться можно. Раз только с ним случай вышел. Это еще когда он женился.
Ну, он кривенькой был. Невесту без затей выбрал, смиреную девушку из бедного житья. Свадьбу попросту справили. На другой день после венца-то молодая поглядела на свое обручальное кольцо и думает:
"Как его носить-то. Вон оно какое толстое да красивое. Дорогое, поди. Еще потеряешь".
Потом и говорит мужу:
- Ты что же, Пантюша, зря тратишься? Сколько кольцо стоит?
Пантелей и отвечает:
- Какая трата, коли обряд того требует. Полтора рубля за колечко платил.
- Ни в жизнь, - говорит жена, - этому не поверю.
Пантелей поглядел и видит - не то ведь кольцо-то. Поглядел на свою руку - и там вовсе другое кольцо, да еще в серединке-то два черных камешка, как глаза горят.
Пантелей, конечно, по этим камешкам сразу припомнил девчонку, которая ему золотую дорожку в камне показала, только жене об этом не сказал. "Зачем, дескать, ее зря тревожить".
Молодая все-таки не стала то кольцо носить, купила себе простенькое. А мужику куда с кольцом? Только и поносил Пантелей, пока свадебные дни не прошли.
После костькиной смерти на прииске хватились:
- Где у нас плясунья-то?
А ее и нет. Спрашивать один другого стали - откуда хоть она? Кто говорил - с Кунгурки пристала, кто - с Мраморских разрезов пришла. Ну, разное. Известно, приисковый народ, набеглый... Досуг ему разбирать, кто ты да каких родов. Так и бросили об этом разговор.
А золотишко еще долго на Рябиновке держалось.